

позитивном значении этой черты для прогрессивного развития научного мировоззрения.

Важным фактом культуры должна быть свобода критики научных концепций. В этом процессе проявляется «научная индивидуальность», которая может противостоять всему научному сообществу и доказывать истинность своего научного мирозерцания и тем самым развивать научное мировоззрение эпохи. «Истина нередко в большем объеме открыта этим научным еретикам, чем ортодоксальным представителям научной мысли», — пишет В. И. Вернадский (С. 43). И добавляет: «...научная мысль развивается сложным путем, и что для того, чтобы доказательство истины было понятно современникам, нужна долгая работа и совпадение нередко совершенно исключительных благоприятных условий». Ученый же, который, несмотря на все трудности, отстаивает те идеи, которые считает истинными, достоин самого глубокого уважения. Он является живым примером научного мировоззрения.

В. П. Кадочников
Екатеринбург

ИНФОРМАЦИЯ КАК УНИВЕРСАЛИЯ КУЛЬТУРЫ

Информация просто не может не быть и является универсалией культуры (УК). Вместе с тем, это истинное само по себе положение не является гарантом истины в информационной интерпретации культуры. Парадокс.

Логика осознания информации в качестве УК очень проста. Если информация носитель, представитель, передатчик (средство коммуникации), причинитель порядка и разнообразия в природе, то в сложнейшей природе человека тем более. С поправкой: человеческого порядка и разнообразия.

Информация входит в круг системных представлений о «комковании» (слово С. Хокинга) масс-энергии в метagalактике. Обмен систем веществом (массой) и энергией находит продолжение в обмене информацией. Информационный обмен становится все более значимым по мере возрастания системной организации. Предметы/объекты общества самые сложные из известных в метagalактике. Так что, с точки зрения естествознания, это и есть преимущественно информационные предметы/объекты. А как же культура?

Культура здесь прочитывается, прежде всего, через слово «культ». Второй вариант содержательной интерпретации культу-

ры, более доступный сугубо научному подходу, то же важен. Культура при этом обозначает все, что сотворили люди сверх своих, соотносимых с другими живыми родами, биологических возможностей. Подход сопоставим с содержанием понятия «цивилизация». Но нам важны прежде всего сами феномены, а не слова, которыми мы их противоречиво описываем.

По мере вхождения науки в свои права, открытия законов сохранения вещества (массы), затем энергии, а теперь на очереди, вероятно, и закон сохранения информации, — она входит в объяснение все более сложных эффектов природы и поднимается к объяснению такой наисложнейшей системы как человеческая культура. Под эту задачу искусство (техника) анализа, редуктивизма, дополняется синтезом. Да и может ли быть иначе, если в самом естествознании XX века постепенно утвердилась «наука о сложном», концентрированно воплотившаяся в синергетике. Уже первозданный «верификационизм» науки сводил суть дела к тому, что если «разобрали-собрали-работает», имеет аналог в природе или обществе, то это шаг в открытии истины. Пусть внешне — «карикатура», лишь бы эффективнее выполняло функции, нужные человеку. Так на маленькой планете Земля (всего-то каких-то 42000 км в окружности, равно гарантийному пробегу российского автомобиля) произошел передел, забрали континуум у естественных процессов, точнее включили их в искусственный континуум науки и техники («Постав» в терминологии М. Хайдеггера). Как следствие нарушили экологический баланс. Посмотрим, что принес НТП культуре.

Логика покорения такова: сначала отбирали вещество, затем простые виды энергии (давление воды, пар), а в настоящее время — информацию. (А как быть с духом?). Если обернуть метод (по Марксу: анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны): можно отметить очевидное возрастание преобразовательных возможностей от информации к веществу. С другой стороны, науки объясняют человека, его организацию, по мере уяснения эффектов природы и построения более совершенных машин. Чем сложнее строят люди машины тем более совершенной машиной представляются сами себе. Гарвей по аналогии с водопроводом истолковал кровеносную систему человека, сейчас по примеру искусственного интеллекта, ЭВМ, наука изъясняет человека, включая работу нашей «мозговой организации».

И вот наконец культура истолковывается наукой в первом приближении как некая действующая информационно-семиотическая модель. Из живого организма культуры вырывается знаково-сим-

волический компонент, как ее очевидная информационная основа. Наука не может не разделять, чтобы властвовать, таков ее путь (метод). Однако она же не одна. Есть ведь и другие пути (методы) развития культуры: искусство, философия, религия, обыденная жизнь — наконец. Гении науки, такие как В. И. Вернадский, Б. В. Раушенбах прекрасно понимали силу и ограниченность науки. Но наука не в силах сама себя контролировать. Научные разработки вроде бы нужны всем, но в первую очередь оказываются в употреблении у людей корысти: политиков и бизнесменов. Но не будем отвлекаться, наше дело в данном случае сводится к задаче в идеале разобраться с одной из универсалий культуры — информацией.

Уже из естественнонаучных опытов середины XX века можно извлечь несколько существенных признаков информации, характеризующих ее как онтологический феномен: структурная упорядоченность, разнообразие, репрезентативность и коммуникативность субстратных форм бытия, способность быть причиной завязки событий (причинение). Однако до сих пор в науке довольствуются скорее описанием феномена информации, чем его понятием. Приоритет математических подходов к феномену информации дал ключевое слово в название теории информации, именуемой и в настоящее время «математической (общей) теорией информации».

Для математической теории информации изначально характерно абстрагирование от физического, не говоря уже о социальном содержании транслируемой информации. Такой подход объясняется научным акцентом решения инженерной проблемы передачи сигнала по «зашумленным» каналам связи. До сих пор популярно считать, что «любое взаимодействие между объектами, в процессе которого один приобретает некоторую субстанцию, а другой ее не теряет называется информационным взаимодействием. При этом передаваемая субстанция называется Информацией» /1/. Очевидно, что субстанция здесь не более чем математическая фигура, форма, символическая «дырка от бублика».

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что представления прикладных математиков, физиков, инженеров об информации послужили основой для первых определений феномена информации в философии, заимствованы гуманитарными науками. При этом неминуемо произошли прямые переносы признаков, характеризующих особенное на всеобщее. Это касается прежде всего математических статистически-вероятностных содержаний, которые входят в объем математической (общей) теории информации.

Что собой представляет информация вообще? Как философы определяют информацию?

В отечественной философской литературе утвердилось и до сих пор востребовано определение информации, данное в 60-70-х годах А. Д. Урсулом: информация — это «отражение разнообразия, т. е. воспроизведение разнообразия одного объекта в другом объекте в результате их взаимодействия» (Цит. по: 2, с. 210/. Информация здесь скорее слепок, отраженное, точнее — отраженное разнообразие. Она является феноменом и понятием феномена, сводящимся к результирующей характеристике отражения как атрибутивного свойства всей материи, проявленного в субстратных родах и разновидностях, всем вещном разнообразии. Отсюда логически проистекает интерпретация А. Д. Урсулом и самой информации в качестве атрибутивного свойства всей материи. Этот подход в настоящее время все более широко утверждается, т. к. он собственно позволяет вобрать в себя и все содержание функционального подхода к информации допускающего ее наличие и обмен только лишь для высокоразвитых систем (живые организмы, общество и самоуправляемые технические устройства).

Что касается социальной информации, то есть смысл обратить внимание на концепцию «объективного знания» К. Р. Поппера. У последнего один и тот же мир делится условно на три мира: а) физический, б) мыслительных состояний сознания, в) объективного знания. Если объективное знание в данном случае, по своему генезису, подобно содержанию последствий работы крота, муравья, пчелы, устраивающих гнезда и по этим следствиям предписывается умозаключать о причинах, то есть основания сделать вывод, что объективное знание Поппера всего лишь информация. Т. к. собственно знание предполагает еще плюсом мыслительный процесс. Наличие мыслительного процесса предусмотрено схемой Поппера. Однако обратим внимание, что мыслительный процесс взят им как-то слишком «по либеральному», сугубо в индивидуалистическом ключе. А как же быть с теми коллективистскими содержаниями мысли, которые К. Р. Поппер «распинает» в своем «Открытом обществе и его врагах»? Мир идей Платона, «вещь в себе» И. Канта, «всеобщий труд» К. Маркса — все это дает основание, после переименования «третьего мира» Поппера — мира «объективного знания» в информацию и информационный мир, — построить схему метра четвертым элементом — «*ноуменальным миром*». По крайней мере такова позиция автора этих строк. Без такой инновации человеческая культура как коллективное дело (императивы, ценности), пусть и проходящее через каждую первую человеческую голову, просто зависает, не попадая в постпозитивистскую картину мира.

Часто можно встретить такие представления о тождестве и разнице внутри него философии и науки, что философия якобы «шире», вбирает в себя общее от всех наук и иных форм культуры. Однако это положение не является бесспорным. Проблема здесь может быть усмотрена в том, что, в своей указанной объемной «широте», философия, отвечая за ЕДИНОЕ, ЦЕЛОЕ, ВСЕ, вбирает не просто формальные, но содержательно разнящиеся особенные и единичные (уникальные) компоненты.

Причем мир для единичного вроде бы открывается внутри особенного и всеобщего. При этом, если взять в расчет факт человеческого творчества (причем и в онтогенезе и в филогенезе), которое не сведешь к содержанию «отражения», даже опережающего отражения (то, что К. Р. Поппер раскритиковал как «бадейнскую теорию»), следует предусмотреть возможность открытости мира и через посредство уникального.

Эволюция живого посредством популяционных сдвигов носит эмерджентный, скачкообразный характер, т. к. опосредуется мутацией и рекомбинацией генов. Отрадно, что современная наука, к примеру, тот же И. Пригожин активно привлекает модели, полученные при освоении биологами популяционного развития, в разработке современной методологии науки /См.: 3/. Но и эволюция культуры носит скачкообразный характер, что утверждается уже Поппером, в ней наблюдается внезапное возникновение нового, опосредованное творческим изменением ее собственных «геномов» — многообразных культурных форм человеческой жизни. Представляется, что в чем-то полезное применение возможностей математической теории информации к исследованию социокультурных процессов должно быть дополнено четким пониманием пределов их разрешающих возможностей. Это, с одной стороны. А, с другой стороны, требуется философская доработка качественной стороны информационного подхода к обществу.

Информацию вообще, имея в виду: периодичность форм минералов, воспроизводство генных кодов в биологии, человеческие, языковые, речевые и все прочие проявленности, можно дать следующее определение. *Информация — атрибут масс-энергетической реальности причиняемый/причиняющий упорядоченность, разнообразием, коммуникативностью и репрезентативностью субстратных форм бытия.* Сложнейшей формой указанного атрибута масс-энергетической реальности выступает, конечно же, социальная информация, способная в своих высших символических проявлениях нести и некие уникальные и ноуменальные содержания.

Причем, по мере «обезбоживания» мира, что касается в первую очередь конечно так называемых «цивилизованных» стран, уникальные компоненты находятся в страдательном залоге. От пригожинских претензий к априорному порядку Канта, Хайдеггера / См.: 4, с. 75-76, 134-139 /, через чрезмерно оптимистические варианты использование методологии синергетики в обществоведении, и, в частности, в культурологии, в настоящее время в нашей стране реализуется очередная, после учения К. Маркса, попытка превращения науки об обществе в разновидность естествознания. Признаки этого: 1) марксово и «диаматовское», «истматовское» изучение культуру естественнонаучными методами осуществлялось в интересах глобального социального переустройства общества на индустриальных началах, т. е. по сути, для ее устранения в прежнем, классическом смысле, 2) отказ человечеству в ноуменальных содержаниях и распространение И. Пригожиным вероятностных методов современного естествознания на изучение общества, 3) производные от приемов пригожинской синергетики интерпретации культуры, к примеру, «питерским» профессором А. С. Карминым, оценивающие только положительно превращение нового информационного порядка (ИНТЕРНЕТ) в глобальный порядок с «глобалистским» содержанием /См.: 5/, — все это всего лишь по времени различающиеся позитивистские варианты решения проблемы уникального универсальными средствами науки. Такие приемы априори предполагают сведение сложных явлений к простым моделям и другие формализмы. Культура здесь не цель, а какое-то, пусть наисложнейшее, но утилитарное средство.

В культурологии-синергетике по А. С. Кармину мы имеем дело с замкнутой системой общечеловеческой культуры, которая вытягивается в один, уже найденный, эталонный вариант евро-атлантической культуры. Ведь именно в этом смысле у Кармина, вольно или невольно, речь идет об аттракторе мировой культуры. Такого одномерного, на перспективу, отношения к мировой культуре нет даже у З. Бжезинского и С. Хантингтона, озабоченных объективными тенденциями грядущей потери США, сравнительного с окружением, веса в цивилизационном раскладе и геополитическом противостоянии; складыванием новых центров силы. Профессор Кармин в соединении информатики с глобализмом однозначно усматривает главный характерный признак новой общечеловеческой культуры глобализирующегося информационного общества. Получается некая культурно-технократическая утопия, когда новый информационный порядок хорош только свободой распространения культурной информации по миру, а все разговоры о пси-

холологических и информационных войнах, китчево-потребительских кренах в культуре; «закате», тем более Европы и Америки; растущей гибели многих языков и т. п., — поддерживаются лишь для содержательного расцветивания собственной культурологической модели /См.: 8 /.

По принятой логике евроатлантическое центрирование и одномерное прочтение мировой истории не привело и не могло привести А. С. Кармина к мыслям о наступающей энтропии мировой культуры, т. к. для него культура происходит от слова «культивировать», а «культы» — всего лишь еще сохраняющиеся пережитки прошлого. Там где на планете растет индустрия, тем более информатизация, по Кармину, творится культурное дело. /См.: 6/

Совсем другое, когда применяется незавершенная модель, в которой всеобщее подвижно. В творческом приращении мировой культуры участвуют этносы, группы, личности. Континуальная определенность культуры вообще, где усложняется, а где упрощается через особенное и единичное. Всеобщее, особенное и единичное представляются как аналоги некоего «горизонта событий», в терминологии Ст. Хокинга, соединившего «мега» и «микро» представления в своих концепциях «черных дыр» и «метagalактики». При этом, имея дело с уникальными ноуменальными, преимущественно ценностными представлениями о разрешающих возможностях отдельных цивилизаций, разделяющихся по культурному признаку (Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Гумилев, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон), никогда не сможешь доказать, что они все одинаковы, идут по одному пути. Наука, если она наука, всегда индуктивна, а философско-рационалистическая монистская концепция вменяемая истории человечества ни доказана ни опровергнута быть не может. Не дана нам вся история без остатка! Все решает вера. Наша вера, по слову Ф. М. Достоевского, в прелести «по своей дурацкой воле пожить». Важны нам наши «архетипы коллективного бессознательного», которые воспроизводятся вопреки неоднократным переменам веры в угоду политике. Народы России научились жить ею как Родиной, государством как Отечеством. К примеру, это записано в «доме» нашего бытия — русском языке. На что обратил некогда внимание историк акад. Б. А. Рыбаков: *род* — *Рода* (яз. богиня) — *Родина* — *Народ* — *родня* — *родники* — *природа*. При выборе евроатлантической правды-истины в двоичной системе «Россия или Европа», весь приведенный словесный ряд обращается в архаичный хлам.

Ведь речь идет не о сходстве генной основы человеческих рас, этносов. Здесь в общности, идентичности нет сомнений, а о разно-

сти уникальных этнических, групповых и личностных ценностей. Культурное сходство этносов преимущественно лишь формальное, не является сходством в плане культурной самоидентичности человечества (как «того же самого») в историческом генезисе человечества. Будущее человечества как человечества вариативно и открыто как раз не только через социобиологическую популяционную конкуренцию людских сообществ, а, если угодно, преимущественно через их социокультурную популяционную конкуренцию и опосредуемую ею эволюцию. Информация всего лишь естественная основа, одна из субстанций, атрибут, функция, средство этнической, коллективной, личностной памяти. Информация природой данный и эволюцией общества усовершенствованный носитель культурных форм в широком и узком смысле слова. Информация в философском смысле, обнимающем и масс-энергии метagalaktiki и всеобщие, особенные и единичные творческие проявления жизни людей в «мы-мире» (термин М. Хайдеггера), является важнейшей универсалией современной человеческой культуры.

1. Янковский С. Концепции общей теории информации /HTTP://PIRAMYD.EYPRESS.RU/DISPUT/YANKOVSKY/KOTI.

2. Кондаков Н. И. Информация / Логический словарь-справочник. М., 1975. С. 210-212.

3. Пригожин И. Дано ли нам будущее // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 453-461.

4. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М., 1986.

5. Кармин А. Философия культуры в информационном обществе: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 2006. № 2. С. 52-60.

6. Кармин А. С., Новикова Е. С. Культурология. СПб.: Питер, 2005.

С. В. Казакова
Екатеринбург

ФОРМИРОВАНИЕ АУДИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ЛИЧНОСТИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Введение в современную музыкальную педагогику понятия «аудиальная культура» требует решения нескольких взаимосвязанных проблем: анализа структуры явления, его связи с другими видами культуры, роли и места в формировании общей культуры личности.

Обыденное значение понятия «аудиальная культура» предполагает умение человека слушать окружающих (например, внимательно, не перебивая слушать собеседника, тактично участвовать